

**ПЕТУХ НА ЧУДСКОМ ГОРОДИЩЕ
(ОБ ОРНИТОМОРФНЫХ МОТИВАХ
В РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПРЕДАНИЯХ О КЛАДАХ)¹**

**Анастасия С. Беломестнова,
Светлана Ю. Королёва,
Екатерина В. Чуйкина**

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия*

Keywords: mythological narrative, folk legend, hillfort, hoard, Chudes, rooster, motif, image, “formula of the impossible”.

Summary: In Russian and Komi-Permyak folklore legends about the treasures, there are rare motives where the rooster appears. The article is devoted to two motives with difficult task for a person who wants to take a hoard (to harness 12 roosters; to hit the bell faster than a rooster will sing). These motives are analyzed in the context of other folk stories about treasures. It shows the functions of the rooster in this group of oral narratives: this bird is the guard of the treasure; it is mentioned in the so-called “formula of the impossible”; it is sacrificed for the sake of receiving wealth; it helps or hinders to find a treasure; it is a personification of hoard.

Ключевые слова: несказочная проза, предания, клад, чудь, городище, петух, образ, мотив, формула невозможного.

Аннотация: В русских и коми-пермяцких фольклорных рассказах о кладах встречаются редкие орнитоморфные мотивы, связанные с условием получения сокровища. В статье представлены два таких мотива (запрячь 12 петухов; позвонить в колокол быстрее, чем закричит петух) и подробно описаны локальные традиции, где они были зафиксированы. Эти мотивы рассмотрены в контексте других сюжетов о кладах, где фигурирует петух. Показано, что эта

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 16-34-00007-ОГН «История Северного Прикамья в зеркале фольклора (на материале публикаций XIX — начала XX вв.)».

птица может выступать как сторож клада, упоминаться в т. н. формуле невозможного, быть жертвой, приносимой для получения богатства, помогать или мешать найти сокровище, а также выступать персонификацией клада.

Рассказы о кладах составляют значительную часть народной несказочной прозы. Практически всегда они приурочиваются к конкретным локусам: лесному урочищу, обочине дороги, озеру, деревенской усадьбе и т. д.; в этот же ряд встают археологические объекты – древние могильники, селища, городища. В Пермском Прикамье в окрестностях одного из городищ было записано предание, содержащее редкий мотив – условие получения клада: из озера сундук с сокровищем должны поднять двенадцать петухов, запряженных в упряжку. Поиски фольклорных параллелей позволили обнаружить еще одну локальную традицию – не русскую, а коми-пермяцкую, – где клад располагается на древнем городище и условие его получения связано с петухом. В статье мы представим этот материал, дополненный археологическими данными, а также рассмотрим типичные «петушинные» мотивы в русских и коми-пермяцких быличках и преданиях о кладах.

«Чудские» городища и их сокровища

Большое и Малое городища. Рассказ о кладе и «петушиной запряжке» впервые был зафиксирован в 2016 г. в ходе археологической разведки в Краснокамском районе Пермского края. От жителя д. Залесная Леонида Васильевича Печеницына, 1946 года рождения, были получены сведения о локальных топонимах *Большое* и *Малое городища* и местоположении объектов с этими названиями в бассейне р. Чёрная. Год спустя от него же повторно были записаны предания о кладе в озере под Большим городищем и жившей здесь чуди, а также ряд историй, относящихся к периоду Гражданской войны². Приведем предание о кладе полностью:

«У городища [Большого] внизу озеро было. <...> Ну, там, где Фадиха в Чёрную впадает. На этом озере иногда выплывал сундук с кладом. И соответственно на этом сундуке была надпись, что этот клад вытащит тот, кто соберет двенадцать петухов и вывезет его в запряжке. И один мужик так собрал петухов, всё, зацепил их, арканом ли чем закинул. Зацепил и потащил. И вот уже совсем к берегу

---

² Записи сделала Е.В. Чуйкина в 2017 г.

подтягивает – и лиса выскочила и всех петухов перемолотила у него. И ящик обратно в воду ушел и всё. <...> Пока мужик петухов собирал... (От кого узнали эту легенду?) От дедушки слышал, только от него»³.

О происхождении клада в тексте не говорится. Но с Большим и Малым городищами связываются представления о легендарных древних первоначальниках – чуди, чудских людях: «(Знакомо ли слово “чудь” в ваших краях?) У нас говорили “чудские люди”. Они работали в основном в тёмное время суток, ночами. (А что делали?) Ну, всё делали, землю обрабатывали, покосы у них были. И, видимо, местные жители их не видели и не контактировали. Они были, видать, загадочные какие-то <...> Так мне дед говорил, что о чудских людях знали, но те старались никому не показываться... (А где жили эти люди?) Ну, говорили, что чудские люди жили не где-то вокруг, а именно на городище. <...> На Большое городище – нет, никто туда не ходил, ни по делам, ни гулять. А на Малое городище и раньше наши люди ходили, и сейчас тоже ходят. <...> Между двух этих городищ была дорога, которая шла от тракта <...>. И эта сторона, где Большое городище, она всегда была с дремучим лесом, всегда завалена лесом».

Примечательна мотивация, которую получает сюжет чудского «самозахоронения»: жители городища «задавливались», потому что «стали недовольны властью». Сразу вслед за этим Л.В. Печеницын вспоминает о событиях Гражданской войны, что еще более осовременивает описанные им фольклорные события: «(А почему удобный такой спуск с Малого городища не зарастал?) Так он и сейчас не зарастает. Он всегда был чистый, только недавно снизу лесорубы завалили. <...> Тропа, как будто люди постоянно ходят. Я думаю, что это духи ходят. Или человеческие души тут живут. Дедушка говорил, что когда стали недовольны властью... (Какой?) Ну, какой-то властью, не знаю, <...> то эти живущие здесь люди... <...> – они в землянках жили, видимо, на городище, – то прямо целыми семьями подрезали столбы, стены и задавливались. Так что, может, это те духи и ходят. <...> Ананичевские⁴ говорили, что там, где кержацкое кладбище в Горбунятах, дак там до сих пор девки плачут и смеются. На кладбище. Их расстреляли в какое-то время,

---

³ Дед рассказчика, Василий Михайлович Пепеляев, родился в 1875 или 1878 г., он был местным жителем, умер в 1972 г. в возрасте значительно старше 90 лет.

⁴ Ананичевские – жители д. Ананичи Краснокамского р-на (3,8 км от д. Залесная).

или в царское, или в Гражданскую войну, а земле не предали. Так они там и живут».

Приведем археологические данные, относящиеся к Большому и Малому городищам. Оба объекта в разное время и под другими названиями фигурировали в археологической литературе. Ананичевское городище в бассейне р. Чёрной, защищенное валом и рвом, впервые упоминается в известной работе И.А. Талицкой (Талицкая, 1952: 92, № 697)⁵. В 1988 г. проверка приведенных ею сведений стала одной из задач отряда Камской археологической экспедиции Пермского гос. университета (Сереброва, 1988: 9-10). Ориентируясь на топоним *Городище*, археологи обследовали мыс с прекрасными природными фортификационными данными, но, не найдя остатков искусственных оборонительных сооружений (рва и вала) и не обнаружив культурного слоя с древними артефактами, пришли к справедливому заключению об отсутствии археологического памятника на мысу с говорящим названием. Есть, однако, основания полагать, что на самом деле ими был обследован другой, нежели указано у И.А. Талицкой, локус. По всей видимости, это было Малое городище, площадка которого действительно не имеет объективных признаков археологического объекта (оборонительных сооружений, культурного слоя и находок).

Место, указанное Л.В. Печеницыным и известное старожилам как Большое городище, было обследовано археологами ПГНИУ в 2016 г. и названо ими по ближайшему населенному пункту «Залесная I, городище». Вероятно, именно оно под названием Ананичевское городище фигурирует в книге И.А. Талицкой. Объект расположен в лесу, на мысовидном выступе берега р. Чёрная, на высоте до 80 м над уровнем реки. Площадка городища размерами 100x160 м, оборонительная система состоит из трех валов и рвов. Самый крупный вал – внутренний (высота до 2 м, длина 110 м, ширина до 3 м). Ров между внутренним и средним валами достигает глубины 1,5 м. В культурном слое найдены фрагменты лепной керамики и обломок железного предмета. По типу керамики городище можно отнести к периоду железного века (начало 1 тыс. н. э.). Оценка вмещающего ландшафта позволяет предполагать, что археологический объект с оборонительными сооружениями использовался как убежище

---

⁵ В свою очередь, автор ссылается на сведения из «Книги записей Пермского музея за 1912 г.».

жителями древних селищ, располагавшихся, вероятнее всего, в долине р. Чёрная (на их месте позже находились русские деревни, в настоящее время не существующие). Малое же городище предположительно могло использоваться древним населением в качестве дозорного и наблюдательного пункта (Чуйкина, Гайдаш, 2017: электрон. ресурс).

Примечательная в рамках нашей темы подробность – наличие на площадке Большого городища нескольких кладоискательских ям разной глубины; в отвале одной из них также обнаружен фрагмент лепной керамики. Чуть позже проводник и информант подтвердил, что ямы – дело рук двух местных братьев, искавших здесь клад.

Курэзкар / Куронкар (Боринское городище). Другое городище, ставшее предметом фольклорных нарративов о кладах, расположено в Кочёвском районе Коми-Пермяцкого округа. Археологический объект, известный в научной литературе как Боринское городище (по названию соседней д. Борино), именуется местными жителями *Курэзкар* ('Куриное городище', от коми-перм. курӧг 'курица' + кар 'городище') или *Куронкар*. Так же называется и мысовидный холм, поросший лесом, где располагается объект. В устной традиции кочёвских коми-пермяков с этим местом связываются представления о чуди или разбойниках, о спрятанном золоте, случающихся тут видениях и т. п. Значительный пласт текстов был записан в конце 1950-х гг. этнографом Л.С. Грибовой. Среди них обнаруживается интересующее нас предание о кладе: сокровище (лодку с золотом) сможет взять человек, который успеет ударить в колокол, висящий на входных воротах, раньше, чем запоет находящийся там петух:

«Ниже Курэз-кара⁶ ворота были, пещера была, говорят. Была труба для вентиляции. После длинным шестом цупали дно – твердое, звенит. Очевидно, там пол был. Ворота были – кто говорит, с южной стороны, кто – с восточной. Ворота деревянные, наверху – петух. Человек подойдет, должен ударить в колокол (он на воротах висел) раньше, чем петух закричит. Если успеет, войдет и все добро заберет, если нет – умрет. Этот завет наложили позже уже, когда никого уж не было. Там будто полная лодка золота, но под заветом» (Пойлов А.Я., 1879 г. р., д. Борино; 1959 г.) (Грибова, АКНЦ: л. 34-35).

Запись имеет продолжение, в котором клад приписывается чуди – *чучкому народу* и говорится о неудачных попытках добыть сокровище:

---

⁶ Написание топонима *Курэзкар* не имеет установившейся нормы, поэтому приводится в соответствии с цитируемыми работами.

«Мать рассказывала, некогда такие голодные годы были, что кору люди ели пихтовую. Тогда везде лес был, земли мало было, да и та мерзлая. Тогда, будто, народ сам себя живьем зарывал в землю. Там теперь и поминают “старых”. Часовня там, в Мокино, стояла. Чучкой что ли народ тот был. Будто в Курэг-каре и жили они. Один местный Степаника Петра пытался найти вход, щупами прощупывал восточную сторону – так голова, говорит, кружится. Северную сторону раскапывали местные – вышел, будто, чузун – дальше и копать нельзя. Нынче на месте тех ям лес вырос» (там же: л. 35).

В 2003 г. в с. Большая Коча лингвист Л.Г. Пономарёва записала вариант предания, где также фигурирует петух, однако мотив этот уже заметно редуцирован – птица просто названа «хранителем клада»: *«Было два богатыря. Были они очень сильными. Один жил вот здесь на Ошмысе⁷, а другой жил в Маскалях на горе Курэгкар. Они с Ошмыса на гору Курэгкар бросали гири. Они разбойниками были. Много золота они спрятали в горе Курэгкар. Там его [золота] было у них целые розвальни. Они завещали так: хоть золото кто найдет, оно на пользу не пойдет. Всё свое богатство затем они засунули, оказывается, в колодец. Оттуда, мол, выходил [то] петух, то женщина, мол, в красном платочке ходит. Они, мол, были хранителями клада» (Пономарёва, 2016: 65-66).*

Тексты, где упоминаются чудские богатыри (отождествляемые иногда с разбойниками), которые перебрасываются предметами, есть и в материалах Л.С. Грибовой: *«Рассказывали, что у Курэг-Кар мыса был колодец. Старики еще помнили яму, при пахоте обходили. Говорили, что разбойники, когда стали их притеснять, всё свое добро, золото спрятали в этот колодец. На дно колодца набросали камни, затем спустили добро, после всё закрыли камнем и засыпали землей. Сейчас и места уж не помнят. Говорили, что там под горой есть ворота и столбы. Где-то спрятана золотая дуга, а где – неизвестно. Разбойники на этом месте жили, и на Ошмысе тоже. Они перебрасывались, будто, с мыса на мыс – ради шутки, ради славы. Они впоследствии сбежали, народ их одолевать стал, они и сбежали. На Курэг-Каре и жили» (д. Урья, 1959) (Грибова, АКНЦ: л. 69).* С этим местом связываются истории о привидевшихся существах, которые

---

⁷ Ошмыс – букв. ‘Медвежья гора’ (от коми-перм. ош ‘медведь’ + мыс ‘возвышенность, гора’); в работе название приводится в переводе на русский язык, но мы посчитали нужным вернуть в текст коми-пермяцкий топоним – А.Б., С.К., Е.Ч.

либо указывают на наличие клада, либо показываются не к добру: «На Курэг-Каре любой заблудится. Вроде и негде, а похвастаеться – заблудишься. Там золотая упряжь будто схоронена. Поросенок выходит. Одна женщина там человека встретила – [потом у нее] дочь утонула» (д. Урья, 1959) (там же: л. 71-72)⁸.

В 2000–2001 гг. на этой территории проводились фольклорные экспедиции Лаборатории культурной и визуальной антропологии ПермГУ (рук. Е.М. Четина). В ходе полевой работы было зафиксировано множество устных нарративов о Курэгкаре. Упоминаний о петухе в них не встретилось, но была обнаружена версия с иным условием получения клада: «Один [местный житель], говорят, сон видел: песни надо петь божественные, 40 песен. Это на Куропкаре. Золото там. Он пошел, долго шел. Тридцать девятого начал – и не мог больше. И ничего, обратно ушел. А спел бы – ворота, наверно, открылись бы» (зап. С.Ю. Королёва, д. Куделька, 2000)⁹. Мы видим, что орнитоморфный мотив здесь факультативен и может заменяться другим повествовательным элементом со значением трудного условия.

Обратимся к археологическим данным. Боринское городище находится в 1 км к юго-западу от д. Борино, на высоком мысовидном выступе, который возвышается над прилегающей местностью на 60–70 м. Объект относится к периоду ломоватовской и родановской археологических культур VII–VIII вв. н. э. Памятник известен с конца XIX в. (Кривощёков, 1914: 88, 233-234; Талицкая, 1952: 178, №1378). В начале XX в. и ранее площадка городища распаивалась, при пахоте на городище и в окрестностях находили «чудские» вещи, часть которых поступила в коллекции М.Н. Зеликмана и наследников А.Е. Теплоухова. К настоящему времени сохранился полукольцевой вал высотой более 2 м, ров почти полностью распахан. Размеры заросшей лесом площадки составляют примерно 100x100 м, здесь зафиксированы квадратные оплывшие ямы – вероятно, старые кладоискательские¹⁰. Просматривающийся вал, как и случайные находки предметов пермского звериного стиля, периодически обнаруживаемые возле Курэгкара, по всей видимости, способствуют

---

⁸ Другие записи Л.С. Грибовой о Курэгкаре см. в Приложении.

⁹ Другие записи из архива ЛКиВА ПГНИУ, сделанные С.Ю. Королёвой, см. в Приложении.

¹⁰ Современные «кладоискатели» тоже посещают объект, оставляя новые грабительские ямы (Абдулова, 2007).

устойчивости фольклорных рассказов об обитателях городища и оставленных ими сокровищах.

Характеризуя специфику преданий о кладах, принадлежавших чуди, Н.Е. Котельникова отмечает их преимущественное расположение на небольших возвышенностях: холмах, буграх, курганах и т. п., типичным местоположением чудских сокровищ выступают также чудские ямы и городища (Котельникова, 2017: 60). В двух охарактеризованных нами локальных традициях связь кладов с древними людьми выражена в различной степени: если в рассказах о Курэгкаре золото прямо приписывается *чучкому народу*, то о происхождении сундука в озере у Большого городища ничего не говорится, но само городище фигурирует как место, где жили *чудские люди*. В обоих случаях археологические данные не противоречат устным локальным нарративам, где упоминаются легендарные места обитания первых насельников, и подтверждают наличие на двух «фольклорно отмеченных» возвышенностях археологических объектов – древних городищ (1 тыс. н. э.). Орнитоморфные мотивы возникают в той части преданий, где описывается условие получения сокровища. Известно, что в несказочной прозе восточных славян и финно-пермских народов связь образа петуха с кладами имеет разнообразные формы. Обратимся к этим материалам.

Образ петуха в быличках и преданиях о кладах

Фольклорные рассказы о кладах подробно рассматриваются в трудах В.К. Соколовой, Н.А. Криничной, Е.Е. Левкиевской, Н.Е. Котельниковой и других исследователей. В их работах характеризуются жанровые особенности и устойчивые повествовательные элементы, описывается происхождение и варьирование отдельных сюжетов и мотивов, воспроизводится необходимый конкретно-исторический и религиозно-мифологический контекст.

К числу самых популярных сюжетных ходов в историях о спрятанных сокровищах относится появление на этом месте петуха. В народной культуре данный образ в принципе обладает высокой смысловой нагрузкой, отличаясь многозначностью и амбивалентностью (Гура, Узенёва, 2009: 28). В фольклорных рассказах о кладах актуализируется «огненная» символика петуха, его способность противостоять нечистой силе и в то же время обладание

некоторыми демоническими свойствами¹¹. В контексте сюжетов о спрятанных сокровищах смысловой доминантой образа становится внешний вид птицы (масть), действия (ходит, показывает), звуковая характеристика (кричит, поет).

В приведенных ранее текстах речь шла о «заклятых» кладах, которые можно получить, выполнив определенное условие. В коми-пермяцком предании удача (и сама жизнь) кладоискателя зависит от того, успеет ли он ударить в висящий на деревянных воротах колокол «быстрее, чем петух закричит»: *«Если успеет, войдет и все добро заберет, если нет – умрет»*. В восточнославянской несказочной прозе звон колокола и пение петуха имеют сходную семантику: их отсутствие маркирует «тот» свет и делает человека более уязвимым. По карпатским поверьям, нечистая сила активна ночью, но исчезает с первым криком петуха и ударом колокола к заутрене, – однако там, куда эти звуки не доносятся, она опасна в любое время (Агапкина, 1999: 245). На Вологодчине верили, что ночью на колокольне собираются черти и покидают ее либо с первым криком петуха, либо с третьим ударом колокола (там же: 249). Хотя приведенные примеры взяты из восточнославянской традиции, проявляющееся в них значение колокольного звона и петушиного крика может быть во многом отнесено и коми-пермяцкой несказочной прозе. В предании о золоте, спрятанном на Курэґкаре, удар колокола, по всей видимости, снимает с клада заклятие, после чего тот может достаться человеку. Петушиное же пение «закрывает» клад, заставляет его «уйти», – но поскольку петух на Курэґкаре не настоящая птица, а сторож клада и представитель иного мира, его крик не спасает жизнь кладоискателя.

Не менее интересным представляется мотив получения клада с помощью 12-ти запряженных петухов: *«клад вытащит тот, кто соберет двенадцать петухов и вывезет его в запряжке»*. Он относится к группе мотивов, когда для овладения сокровищем нужно выполнить крайне сложную задачу – например, перебросить через реку топор либо влезть на сосну вверх ногами, держа мешок пшеницы (Котельникова, 2015: 196). Число 12 является семиотически нагруженным и нередко фигурирует в славянских магических практиках (Толстая, 2012: 545). Само по себе значимое, в предании о кладах это количество птиц создает дополнительное препятствие для

---

¹¹ В традиционной культуре коми-пермяков семантика этого образа во многом сходна, подробнее см. (Голева, 2014).

взятия сокровища. На деле условие оказывается вообще невыполнимым, потому что – без видимого нарушения со стороны кладоискателя – на петухов набрасывается лиса, и сундук снова погружается в озеро.

Нам не удалось пока найти прямых аналогов мотива «запрячь петухов». Однако в фольклорной прозе обнаруживаются тексты с близким к интересующему нас мотивом, тоже имеющим значение трудной задачи: «пахать на петухе». *«Вот один мужик клад клал. Кладет и приговаривает: “Дак ты лежи, мой клад, не показывайся, пока на петухе не поедут орать”. А другой услышал: “Ну, говорит, давай я поеду на петухе пахать!” Соху сделал. Петуха растил здорового, кормил. Вот и поехал на петухе пахать. Клад показался, он-то и вынул его»* (пинеж.) (Котельникова, 1996: 89). Аналогичный сюжет есть в фольклорной традиции коми, где он входит в предания о разбойниках, обладавших колдовской силой. Один колдун хитростью убивает другого – богатого разбойника – но когда спешит взять его сокровища, то слышит, как жена убитого их заговаривает: *«Вот тут двенадцать амбаров золота, серебра, меди и других ценностей, и достанутся они тому, кто распашет эту гору на совершенно черном петухе и проборонит на кошке той же масти...»* (Му пуксьём, 2005: 163-164, №127).

Рассматривая мотив пахоты на петухе, Н.Е. Котельникова указывает, что он представляет собой формулу невозможного (заведомо невыполнимое условие); в преданиях о кладах такие формулы входят в заклятие, которое накладывается на спрятанное сокровище (Котельникова, 2015: 195). Аналогичная формула невозможного встречается, к примеру, в русских заговорах: *«[Как] на курице не орать, на петуху не бороновать, так этой крови раба Божия не выходит»* (Новиков, 2009: 464, №825).

Фигурирует петух и в специфической группе рассказов о заклятых кладах, взять которые можно только при условии совершения ужасных грехов – от инцеста до принесения человеческих жертв. Финал таких рассказов вариативен: человек либо решается на требуемую жертву, либо отказывается от задуманного, либо находит остроумный способ обойти заклятие (Котельникова, 2015: 193-194). В последнем случае речь идет обычно о кладе на одну или несколько «человеческих голов» (его можно взять только после гибели названного числа людей), – но человек, тайно узнавший об этом условии, его подменяет: «перезаговаривает» клад (с «40 голов» на «40 колов») либо приносит в

жертву животное или птицу. Так, в белорусском варианте сюжета зять подслушивает закливание теста: «*Кто голову положит, тот мои деньги и возьмет*», – но поскольку старик забывает сказать «человеческую», то зять подкладывает голову петуха и забирает клад. Подобная замена известна и в фольклоре русских-старообрядцев Литвы: удачливый свидетель, услышавший заклятие, к фразе «сто голов» тихонько добавляет «петушиных», – после чего может выполнить условие и завладеть сокровищем (Новиков, 2009: 369-370).

Возможно, появление петуха в ряду других птиц и животных, которых убивают, чтоб взять клад, обусловлено ролью этой птицы в обрядности славянских народов, где петух часто выступает как типичная ритуальная жертва – масленичная, на окончание жатвы, строительная и проч. Так, перед постройкой дома петуху отрубали голову и закапывали ее на месте будущего переднего угла дома (рус.) либо клали под угловой камень (белорус.), кровью убитого петуха окропляли место будущего дома, чтоб избежать скорой смерти кого-то из жильцов (черногор.) и т. д. (Гура, Узенёва, 2009: 30).

Иногда условием получения клада может быть его поиск с живым петухом. В Симбирской губернии бытовало представление о том, что найти сокровище можно с помощью «*немного петуха*» – «нужно привязать ему на шею *плакун-траву* и пустить на место, где предполагается клад: как только станет петух на место клада, тотчас закричит» (Аристов, 1867: 724).

Помогает «раскрыть» клады или иным способом увеличить благосостояние своего владельца и цветок папоротника, который ищут в Купальскую ночь. Рвать его нужно в таком месте, где не слышно пения петухов. Предписание это является общерусским, широко распространено оно и в Прикамье: «*На Иванов день за папоротником ходят. Идти надо далеко, чтоб ни собак, ни петухов не слышно было*» (куедин.) (Черных, 2016: 271). По наблюдению Т.А. Агапкиной, отсутствие петушиного пения – один из типичных мотивов славянских заговоров, в которых болезнь отправляют туда, где не кричит петух и не слышны другие обычные для крестьянского слуха звуки, – т. е. в потустороннее пространство (Агапкина, 2002: 549-550).

Следующая большая группа орнитоморфных мотивов связана с тем обликом, в котором спрятанное богатство само является людям. И одним из самых частотных образов, выступающих в русской несказочной прозе как персонификация клада, без сомнения, оказывается петух. Типичность этой птицы в рассказах о выходящих к

людям сокровищах отмечена в целом ряде работ (Соколова, 1970: 192; Криничная, 1977: 109; Котельникова, 1996: 33; Левкиевская, 1999: 501; Гура, Узенёва, 2009: 31)¹². Чтобы взять такой клад, достаточно ударить существо, в которое он превратился, но сделать это нужно правильно (не рукой, а палкой / левой рукой наотмашь / со специальными словами и т. д.): *«К одной калужской нищенке, в то время как она шаталась по селу, приставал петух, тербил ее за подол, совался под ноги: ударила его старуха палкой – и рассыпался петух деньгами»* (Максимов, 1996: 91)¹³.

В вятском предании конца XIX в. в образе петуха или всадника появляется клад, зарытый на городище. Любопытно, что отдельные детали в описании городища совпадают с тем, что говорится о Курэргаре: *«Вал высокий и длинный, на обоих концах его, по рассказам старожил, были когда-то железные двери, на самой середине вала отверстие, ныне заваленное <...>. Пытались большим шестом достать dna ямы, но не могли, брошенный шест падал довольно долго и ударялся обо что-то со звоном. В праздники крестьяне собираются сюда на гульбище. По преданию, в валу заключен клад, являющийся то петухом, то всадником. В овраге предполагаются железные двери, тут и теперь заметны ступеньки. По рассказам крестьян, на городище <...> приезжали татары и вырыли что-то. В прошлом году в валу рылся один студент, но ничего не нашел»* (Приказчикова, 2009: 59-60).

Петух как признак закопанного поблизости богатства зафиксирован и в фольклоре язьвинских пермяков, проживающих в Красновишерском районе Пермского края: *«Говорят, что петух поет. Выходит и петух поет, я вот это где-то слышала. Где клад, видимо, выходит петух и поет в том месте что ли. Вот это я где-то слышала, у старых же, наверное»* (зап. М.А. Брюханова, с. Верх-Язьва, 2018). Сходные истории рассказывают проживающие в соседних деревнях русские. Иногда свидетельством «ненастоящей» природы петуха служит его появление в необычное время в неожиданном месте – например, зимой на крыше амбара: *«Вот в Нижней Бычино, она*

---

¹² В этой роли могут выступать также курица, кошка, теленок, корова, овца и т.д.; по наблюдению Н.А. Криничной, обычно клад появляется в образе тех животных и птиц, которых в восточнославянской обрядности могли приносить в жертву (Криничная, 1977: 109).

¹³ Ср. аналогичный сюжет, где клад появляется в виде курицы «с блестящими глазами», в «Сказках о кладах» О. Сомова.

старая деревня самая, и всё-таки такое мнение, <...> [что] где-то в деревне или около деревни, здесь и есть клад. <...> Амбар стоит на самом углу этого [проулка], тетки Дарьи нашей. И вот видели неоднократно зимой петух. Бабы пошли полоскаться на родник, уже под вечер, уже почти стало, ну, солнышко ниже. Петуха на амбаре видят – ну какой зимой петух на амбаре!» (зап. М.А. Брюханова, д. Палёва, 2018)¹⁴.

В рассказах о кладах, появившихся в виде животных или птиц, может отмечаться их масть. Цвет обычно объясняется соответствием спрятанному металлу: желтый – золоту, белый – серебру (Криничная, 1977: 109). В некоторых вариантах на месте сокровища видят золотого петуха: «...смотрю – люк-то из подполья поднимается, а оттуда выходит петушок, да золотой весь» (Смирнов, 1921: 4); «Женщина случайно увидела у дороги золотистого петушка, но не обратила внимания. Увидела второй раз и подумала, что таких в округе нет» (Котельникова, 1996: 60). Клад в образе золотого петуха встречается и коми-пермяцкой несказочной прозе (Голева, 2014: 70).

Иногда цвет птицы бывает красным; такие варианты фиксировались в Пермском крае неоднократно: «И вот один распознал всё это, пошел на клад, а клад петухом превратился. Петух вот поет и поет. Красный петух. А мужик поймал петуха, взял, раз, – а горшок и рассыпался. Ну, прежде-то сто колов вырубил, только потом и петух вышел» (юрл.) (Бахматов и др., 2003: 320); «Сосна у деревни за дорогой стояла. Возле нее петух ходил красный. Есть примета, где петух красный ходит, там клад зарыт. Начали копать, но не смогли докопаться» (чермоз.) (ФА ПГНИУ). Клад, сам давшийся в руки, может тем не менее принести несчастье своим владельцам, как это происходит в коми-пермяцком сюжете: «Эта Марина боронила на том поле и увидела красного петуха. Она слезла, смотрит – кувшин с монетами золотыми. Подобрала его и родителям передала. Это клад? Видимо, клад. И все пострадали, кто им пользовался» (юсв.; полностью текст см. в Приложении). Представление о то, что клады вызывают болезнь и преждевременную смерть тех, кто их нашел, широко известно и славянским народам (Соколова, 1970: 190; Левкиевская, 1999: 502). Что касается красного (огненного) петуха, то он оказывается персонификацией спрятанного сокровища, которая

---

¹⁴ Жители деревень Нижняя и Верхняя Бычина, Палёва считают себя русскими; об этом кусте деревень как о русском говорят и язьвинские пермяки.

символически отражает важную особенность кладов – их способность светиться, появляться в виде огней и огоньков, зажженной свечи, огненных языков и т. п. (Соколова, 1970: 190-191).

В несказочной прозе о кладах реализуются, таким образом, несколько вариантов образа петуха. Он может фигурировать в преданиях о зачатых кладах и выступать как птица-страж, охраняющая сокровище. Иногда петух упоминается в условии получения богатства – в составе трудного задания, формулы невозможного (пахать на петухе). Этой птицей заменяется человеческая жертва, необходимая для взятия клада, либо найти спрятанное сокровище помогает живой петух (кричит на месте, где зарыто золото). Заполучить цветок папоротника, напротив, можно там, где не слышно петухов. Наконец, петух выступает как персонафицированный клад, в этом случае значение имеет его масть (золотой, красный); подобные мотивы, как правило, возникают в рассказах о являющихся кладах. Высокая символическая нагруженность и популярность в мифологической прозе наделяют образ петуха большим потенциалом для реализации в редких, возможно единичных, текстах – таких, как приведенные в начале статьи предания о двенадцати петухах либо о петухе, сидящем на воротах с колоколом.

Приложение

1. Фольклорные рассказы о Курэгкаре.

Записи Л.С. Грибовой. «Чудских мест много. <...> На Курэгкармысе они жили, говорят. При пахоте вещи находили. Там пещера, говорят, была, туда вход с воротами. К. д. Чаняыб Бьльдэг-мыс есть – пешком ходили. Говорят, с одного мыса на другой палками перебрасывались – такие богатыри были (около 7 км). Раньше вообще народ был сильнее. У чудей и дороги были. Тракт с Гайн на Юрлу через леса. Здесь через Пелым они ходили, дорога здесь проходила. Они, говорят, все сами себя загубили. Зашли в ямы и засыпали себя землей» (д. Отопково, 1959) (Грибова, АКНЦ: л. 32).

«Чуцкой народ был разбойным. Впоследствии некуда деваться стало, они живыми себя в ямах хоронили. Курэг-кар мыс, говорят, тоже их городище. При пахоте кое-что находили. Был народ крупный, сильный. Богатыри перебрасывались своими палками с Курэг-Кар-мыса на Бьльдэг-мыс, может быть так же, как теперь дети бросают камни с кушака или ремня» (д. Отопково, 1959) (там же: л. 89).

«На горе раскапывали когда-то: видно, что жили <...>. “Старых” чучкими называли, народ же такой жил. Может, они и жили в Курэг-каре. Вход был туда сверху. Жили, будто, внутри. Вход раскапывали со стороны [деревень]

Зуево-Мокино или Урьи. Будто коромысло одно у них было, бросали до Ошмыса. Пользовались одним» (д. Пальник, 1960) (там же: л. 37-38).

«От Курэг-кара до Кочи, по р. Онолве, всё сплошные каменные строения были. Большой город будто был. [Деревня] Москали, будто, на том месте уж¹⁵» (д. М. Пальник, 1960) (там же: л. 36).

«В Курэг-Каре, будто, двери или ворота есть. Там седой старик сидит, говорит: “Давно уж сижу, никто меня не освободит. А хочется на волю, надоело уж”. Старик, говорят, белый, с седыми кудрями. А двери маленькие, с востока, между Зуевым и Бориной. И окно, будто, маленькое» (д. Урья, 1959) (там же: л. 71).

«В пещере Курэг-Кара, будто, раньше жили. Перу-богатыря бог окаменил, и он до сих пор сидит в пещере Курэг-Кара, будто. Видимо, окаменили его потому, что он много народу погубил. Три брата их было, они с 3-х мысов перебрасывались чугунными палками. Это Быльдэг-мыс, Ош-мыс и Курэг-Кар-мыс. Курэг-Кар мыс еще называли Челпана-мыс (Каравай) – по форме горы. <...> Разбойники тоже прятали свои деньги. Но тоже под завет» (д. Борино, 1959) (там же: л. 70-71).

«Кары – это города были: Кудым-кар, Курэг-кар. Жили под землей: сруб спустит – и живет, мясом-рыбой питается. Стали когда на землю выходить – у них строения наподобие чумов были – вичку. А после их в христианство стали вводить, они сами себя губить стали, живьем хоронить. Тех, кто не вошел в христианство, в дома не пускали. Чудом и ходит, маленький, худой, жалкий, пугает всех. Чудливые ведь годы были: мимо бани идешь, мимо реки – опять чудится. <...> Это всё в книге было, якобы. Она написана была 300 лет назад, деды рассказывали» (д. Маскали, 1959) (там же: л. 35-36)¹⁶.

«Петра Ондрей рассказывал, будто здесь, в Маскалях (он еще помнил), семь домов стояли на берегу – вплотную друг ко другу. Чуцкие, чучи в Курэг-каре и других местах, видимо, жили. Кто вошел в христианство, те не пускали их ночевать даже. Кто просится на ночлег, спрашивают: “Крещеный, нет?” – “Нет”. – “Иди тогда, не пустим”. Так они и погибли. В Маскалях, видимо, одним же топором и багром пользовались вместе» (д. Маскали, 1958) (там же: л. 36-37).

Записи из архива ЛКиВА ПГНИУ. «Куруп-кар – это гора, как в Урью идти. Разбойники жили раньше. Золото они там положили, избу сделали. Золотые дуги там были, золото-невидимка, так у нас говорят. Раньше старики искали – не нашли. <...> Ош-гора – это бросались из [деревни] Ошова на Куруп-кар-мыс. Жидовляна жили тоже, полная шайка были» (с. Б. Коча, 2000).

---

¹⁵ На л. 99 это предложение приводится в другом виде: «Д. Москали будто на третьем месте уж стоит». Вероятно, представление о существовании здесь каменных строений вызвано отождествлением слов *городище* и *город*.

¹⁶ Текст опубликован целиком, см. № 49 в (Лимеров, 2005: 49).

«Есть у нас тут Куроп-кар, “куриная гора” значит. Когда Пугачёва разбили, туда остатки его войска убежали. Там и жили, вокруг ров вырыли – до сих пор заметно. Не общались ни с кем, ров для этого и вырыли. Куда они девались потом – кто знает?» (д. Маскали, 2000).

«Куроп-кар – это гора такая, там золотая дуга зарыта. Надо в яму спуститься и ее взять. Никто спуститься не может: говорят, голова кружится. <...> [А еще] разбойники здесь жили, на болотах. Река Онолва, там болота есть. Там место *Семийзбушная гривá* называется, бугорок такой. Разбойники когда-то и жили, семь избушек стояли. А потом они ушли и лодку с золотом там затопили. И сказали – мол, надо сто песен спеть, и лодка выйдет, из болота поднимется. Только надо, чтоб ни одного слова про любовь. Про любовь песни нельзя» (д. М. Коча, 2000).

«Ош-гора – там чудские жили, другие люди. Топором они бросались на Куроп-кар. Зачем бросались, не знаю, а вот рассказывали. Сейчас комбайны, а раньше жали серпами. А которые возле Ош-горы жили, жали шилами. Шило знаете? Это в Гордеево старуха рассказывала. Они потом ямы копали, зашли туда все. Столбы там были – их подрубили. “Не будем жить, – сказали. – Плохие люди стали...” Так говорили» (д. Куделька, 2000).

«Рассказывали, там бы [на Куроп-каре] жили раньше люди. Пермьяки же они были, первые люди здесь» (д. Пыстогово, 2000).

«Два брата когда-то были, на Куроп-каре один жил, другой на Ош-мысе, бросали камень – это я слышал. Ош-мыс еще Джуджыт-мыс называется, “высокий мыс” значит» (д. Ошово, 2001).

«Около Борино, около Урьи – там старинные очень кладбища, там жили когда-то старые люди. Где Куроп-кар, тоже кладбище старинное. Жили два брата, один на Куроп-каре, другой на Ош-мысе, кидались топорами. Это мой отец рассказывал. <...> На Ош-мысе, говорят, золота много похоронено. С Большой Кочи один рассказывал. У них ферма на высоком месте, оттуда Ош-мыс виден. На этом месте ночью есть какой-то свет: светит чем-то светло-светло, как у машины фара. А им сдалека видно» (д. Ошово, 2001).

«Про [почитаемый родник] Таркомыс даже в Библии написано. У нас одна [местная жительница] в Пермь ездила, она рассказывала. <...> Еще говорит, Куроп-кар – это вовсе не Куроп-кар, а Кур-кар, про него тоже в Библии есть. И там было 70 домов. Только надо как-то на латыни читать, тогда прочтешь» (д. Куделька, 2000).

2. Клад в виде красного петуха. «Вот я вам одну историю про клад расскажу. Только вы NN не передавайте. Дом, где она живет, ведь очень несчастливый. Она в этот дом пришла, <...> здесь замужем. Жила когда-то семья с дочкой Мариной, лет 13 было девочке. А там было поле и росла липа заветная. Ее объезжали-объезжали трактористы, корни повредили, потом она совсем засохла. Ну вот, эта Марина боронила на том поле. И увидела красного петуха. Она слезла [с лошади], смотрит – кувшин с монетами золотыми. Подобрала его и родителям передала. Это клад? Видимо, клад. И все

пострадали, кто им пользовался. По порядку расскажу. Марина выросла, ее сосватали Крысантию из Кырдыма <...>. Скоро Марина заболела, ослепла совсем, потом умерла. А Крысантий не стал один жить, на Татьяне женился. Сноха их рассказывала: пять рублей золотую монетку давали ей в Петровский пост, она в город поехала, потратила – вскоре окривела. Дочь их Александра Крысantьевна ухаживала за колхозными овцами, упала с сеновала, повредила позвоночник и горбатая стала. Зоя Крысantьевна, от первого брака дочь, взяла мужика в дом, она теперь у NN свекровь. И что стало? – шесть лет парализованный лежал без речи, потом умер. Его сын теперь болеет – проблемы с желудком. У самой NN был выкидыш, они очень сына хотели, а она выкинула, – двойня бы была, оба мальчики. Как-то мне пересказывали, что они с мужем на празднике за столом про золотые монеты говорили. И что муж вставил зубы золотые. Вот теперь с желудком и мучается – может, так? И еще где-то у них монетка золотая валяется. Три поколения уже мучаются и еще будут мучиться, пока всё золото не потратят» (Крохалёва В.З., 1926 г. р., с. Крохалёво Юсьвинского р-на; зап. С.Ю. Королёва и Е.М. Четина, 2002).

Литература

Абдулова, Светлана И. 2007. *Отчет о проведении мониторинга объектов археологического наследия. Кочёвский район*. Архив КАЭЭ ПГГПУ.

Агапкина, Татьяна А. 1999. *Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян*. В: *Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян*. Светлана М. Толстая (ред.). Москва: Индрик. С. 210-282.

Агапкина, Татьяна А. 2002. *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл*. Москва: Индрик.

Аристов, Николай Я. 1867. *Предания о кладах*. В: *Записки РГО по отделению этнографии*. Т. 1. Санкт-Петербург. С. 707-739.

Бахматов, Анатолий А. и др. 2003. *Юрлинский край: Традиционная культура русских в конце XIX – первой половине XX вв.* Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во.

Голева, Татьяна Г. 2014. Петух и курица в традиционной культуре коми-пермяков. В: *Вестник Пермского гос. гуманитарно-педагогического ун-та*. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. No. 1. С. 60-74.

Грибова, Любовь С. *Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям (Этнографический материал, собранный в Пермской обл.)*. Личный фонд Л.С. Грибовой. Научный архив КомиНЦ УрО РАН. Ф. 11. Д. 1. Оп. 54.

Гура, Александр В. Узенёва, Елена С. 2009. *Петух*. В: *Славянские древности: Этнолингв. словарь*. Т. 4. Светлана М. Толстая (отв. ред.). Москва: Международные отношения. С. 28-35.

Кривощёков, Иван Я. 1914. *Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии*. Пермь: Электро-типогр. «Труд».

Криничная, Неонила А. 1977. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладях» (по материалам русских северных преданий). В: *Советская этнография*. No 4. С. 105-111.

Котельникова, Наталия Е. 1996. *Состав несказочной прозы о кладях и ее традиционная образность в жанрообразующем отношении*: Дисс... канд. филол. наук. Москва: Моск. гос. ун-т.

Котельникова, Наталия Е. 2015. *Формула невозможного в русских фольклорных рассказах о кладях*. В: *Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырёва в современных исследованиях фольклора*. Светлана П. Сорокина и Людмила В. Фадеева (ред.). Москва: Гос. ин-т искусствознания. С. 190-198.

Котельникова, Наталия Е. 2017. *Чудские клады в устной традиции*. В: *Человек и событие в исторической памяти*. Юлия А. Крашенинникова (ред.). Сыктывкар: Ин-т языка, лит-ры и истории КомиНЦ УрО РАН, 2017. С. 59–71.

Левкиевская, Елена Е. 1999. *Клад*. В: *Славянские древности: Этнолингв. словарь*. Т. 2. Светлана М. Толстая. Москва: Международные отношения. С. 500-502.

Лимеров, Павел Ф. (сост.). 2005. *Му пуксьём – сотворение мира*. Мифология народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во.

Пономарёва, Лариса Г. 2016. *Речь северных коми-пермяков*. Москва: Языки народов мира.

Приказчикова, Юлия В. (сост.). 2009. *Устная историческая проза Вятского края*. Ижевск: Изд-во Удмурт. ин-та истории, языка и литературы УрО РАН.

Сереброва, Ирина Ю. 1988. *Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Краснокамска*. Архив КАЭ ПГНИУ.

Смирнов, Василий И. 1921. *Клады, паны и разбойники*. В: *Труды Костромского научного общества по изучению местного края*. Вып. XXVI.

Соколова, Вера К. 1970. *Русские исторические предания*. Москва: Наука.

Талицкая, Инна А. 1952. *Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицим)*. Серия «Материалы и исследования по археологии СССР». Вып. 27. Москва: Изд-во АН СССР.

Толстая, Светлана М. 2012. *Число*. В: *Славянские древности: Этнолингв. словарь*. Т. 2. Москва: Международные отношения. С. 544-547.

Новиков, Юрий А. (сост.). 2009. *Фольклор старообрядцев Литвы*. Т. 2: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та.

Черных, Александр В. 2016. *«Цвет папоротника» и представления о его чудесных свойствах в русских традициях Прикамья*. В: *Демонология и народные верования*. Александра Б. Ипполитова (сост.). Москва: Изд-во Государственного республ. центра русского фольклора. С. 267-278.

Чуйкина, Екатерина В. Гайдаш, Олег Г. 2017. «Потерянное» городище (опыт обретения). В: *Открытый текст*. 2017. 28 декабря. <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/?id=6942> (дата доступа 18.03.2018).